

Резиденция семьи Чэн, предки которой добродетелью и большими заслугами благословили своих потомков, стала свидетелем того, как потомки забыли свои корни, став высокомерными и недостойными. Роскошные залы из золота и нефрита замарались грязью, резные балки и расписные колонны поддались гнили¹.

Когда Чэн Ваншу привел в поместье похожего на нищего Чжао Умяня, по пути они привлекли взгляды многих слуг, но никто не посмел подойти с расспросами. Таким образом, Чэн Ваншу довел Чжао Умяня прямо до своих покоев.

Он жил в северо-западном углу поместья. Пройдя через круглый арочный проход в зеленой стене, крытой красной черепицей, они оказались в очень уединенном и слегка заброшенном дворике, вымощенном серовато-голубыми каменными плитами. Во дворике стоял небольшой дом² — именно здесь и жил Чэн Ваншу.

Когда они вошли во дворик, на каменных ступенях перед домом сидел слуга. На вид ему было около двадцати лет. Он был одет в чистую серо-голубую хлопчатобумажную куртку и черные холщовые туфли. В руках он держал пригоршню семечек и с удовольствием их щелкал.

Это был личный слуга Чэн Ваншу, Ту Жун.

Когда Ту Жун увидел, что Чэн Ваншу привел с собой Чжао Умяня, на его лице отразилось удивление, но он не поспешил выйти навстречу. Подождав, пока они подойдут ближе, он сунул семечки в карман, неторопливо встал и с легким пренебрежением во взгляде спросил:

— Молодой господин, кто этот грязный маленький нищий?

— Это бог, отвечающий за красоту в "Божественном пути культивации", — ответил Чэн Ваншу.

"..."

Ту Жун мысленно закатил глаза и подумал: "Ну вот, опять обострение слабоумия".

— А-Жун, давай наберем горячей воды, нужно его помыть, — сказал Чэн Ваншу.

Услышав это, Ту Жун схватился за поясницу и согнулся, жалобно стоная:

— Ой-ой, молодой господин, у меня на днях опять спину прихватило. Так болит, что не могу делать тяжелую работу.

— Ладно, тогда хорошенько отдохни, я сам все сделаю, — сказал Чэн Ваншу, входя в дом.

Убедившись в том, что Чэн Ваншу скрылся за дверью, Ту Жун снова достал семечки, уселся на ступеньки и снова принялся их беззаботно грызть. Через мгновение он почувствовал на себе жгучий взгляд. Подняв голову, он встретился с черными, похожими на бездну, глазами Чжао Умяня.

— Эй, малец, — поманил его рукой Ту Жун. — Иди сюда.

Чжао Умянь шагнул вперед и остановился перед Ту Жуном.

Увидев, что Чжао Умянь такой послушный, Ту Жун довольно кивнул.

— Малец, я не знаю, зачем молодой господин притащил тебя сюда, но заруби себе на носу, что в этом дворе главный я. Впредь, что бы ты ни увидел или ни услышал, держи язык за зубами,

не болтай лишнего. Понял?

— Ага, — откликнулся Чжао Умянь.

Ту Жун сплюнул шелуху от семечек на землю и воскликнул:

— Ты должен говорить "понял". Тц, сразу видно, что с улицы пришел, совершенно никаких манер.

— Умянь, иди-иди сюда! — слышался голос из дома.

Чжао Умянь слегка нахмурился.

Откуда этому человеку известно его имя?

После смерти матери почти никто не знал его настоящего имени. В прошлой жизни он скитался по миру под вымышленным именем. Те, кто обращался к нему позже, либо почтительно называли его Демоноликий владыка, либо в гневе клеймили "демоном". Три слога "Чжао Умянь" давным-давно затерялись в тумане прошлого, так что даже ему самому они казались до странного незнакомыми.

— Молодой господин зовет тебя! Чего застыл? Живо заходи! — прикрикнул на него Ту Жун.

— Мн, — отозвался Чжао Умянь перед тем, как войти в комнату Чэн Ваншу.

Учитывая, что это были покои молодого господина семьи Чэн, их можно было описать только как очень скромные и простые.

Войдя внутрь, он оказался в главном зале, где были аккуратно расставлены стол и массивные кресла. Стены украшали свитки с каллиграфией и живописью. По обе стороны от главного зала находилось по комнате. Слева та, в которой Чэн Ваншу отдыхал и спал, а справа — кабинет.

Чэн Ваншу в этот момент находился в комнате слева, где, пыхтя от усилий, устанавливал тяжелую, покрытую красным лаком бадью для мытья.

Его нынешнее тело прежде принадлежало изнеженному молодому господину, так что такая тяжелая работа давалась ему с трудом.

Кое-как затащив бадью за ширму, Чэн Ваншу выпрямился, вытер с висков пот и тяжело вздохнул. Обернувшись, он увидел, что Чжао Умянь стоит прямо за его спиной и наблюдает за ним.

— Иди-иди сюда, — услужливо пододвинув круглый табурет, поманил его рукой Чэн Ваншу. — На улице сильный ветер, не стой снаружи. Присядь в комнате и отдохни, здесь теплее.

В глазах Чжао Умяня промелькнуло недоумение. Он явно не понимал, почему Чэн Ваншу проявляет к нему такую заботу и дружелюбие.

Не выдавая своих мыслей, он притворился послушным, подошел и сел на табурет.

Чэн Ваншу смотрел на Чжао Умяня и мысленно повторял одну фразу: "Мой любимчик — лучший в мире! Ах, юный Мян-Мян выглядит невозможным лапочкой! В нем чувствуется такая наивность и чистота, как будто его еще не тронула мирская скверна!"

Чжао Умянь, который только что размышлял о том, как выпустит всем кишки, вернув себе культивацию: "..."

Чэн Ваншу, на губах которого играла улыбка, сказал Чжао Умяню:

— Подожди, я сейчас принесу горячей воды, чтобы ты мог помыться!

После этого, не дожидаясь ответа Чжао Умяня, Чэн Ваншу быстрым шагом вышел из комнаты.

Носить воду — работа для слуг, и Чэн Ваншу, разумеется, был к ней непривычен. Ему пришлось сходить за водой несколько раз. Он почти выбился из сил, наполняя большую бадью. По пути он даже умудрился споткнуться и упасть, отчего его волосы растрепались, а сам он промок до нитки.

Выжав край мокрой одежды, Чэн Ваншу сказал Чжао Умяню:

— Давай, попробуй, как вода.

Чжао Умянь молча подошел и окунул руку в бадью, чтобы проверить температуру воды.

— Подойдет? — спросил Чэн Ваншу.

Чжао Умянь кивнул.

— Вот и хорошо, — сказал Чэн Ваншу. — Ты пока мойся, а я пойду поищу для тебя лекарства. Только посмотри на все эти раны, эх...

Чэн Ваншу сокрушенно вздохнул и снова ушел, даже не вспомнив о том, что нужно переодеться в сухое.

Чжао Умянь проводил взглядом поспешно удаляющуюся фигуру Чэн Ваншу, и на его лице появилось задумчивое выражение.

***

Получив лекарственную мазь в семейной аптеке Чэн, Чэн Ваншу осторожно спрятал ее за пазуху и вернулся к себе. Он приподнял дверную занавеску, обошел ширму и уже собирался окликнуть Чжао Умяня, как вдруг замер, увидев открывшуюся перед ним картину.

Чжао Умянь сидел обнаженным в большой деревянной бадье, от которой исходил густой пар. Его длинные, распущенные черные волосы плавали по поверхности воды. Отмытое дочиста лицо все еще сохраняло детскую нежность, но в его утонченных чертах, словно старательно высеченных мастером-скульптором, уже угадывалась ослепительная красота.

Взрослый Чжао Умянь не любил свое лицо, считая его слишком нежным и красивым, недостаточно устрашающим. Поэтому он часто носил жуткую окровавленную маску, что и стало причиной появления его почетного титула — Демоноликий владыка.

Услышав шаги, Чжао Умянь поднял взгляд на Чэн Ваншу. В тот же момент он увидел, что взгляд Чэн Ваншу скользнул с его лица на тело и постепенно начал опускаться все ниже.

Чжао Умянь: "..."

---

1. Здесь в переносном смысле говорится о нравах и морали пришедшей в упадок семьи, а не конкретно о состоянии их поместья.

2. Китайцы называют это комнатой, потому что дом — это вся резиденция. Но фактически это отдельное строение в отдельном дворике на территории поместья.

<http://bllate.org/book/16983/1577956>